

Живо, странник, шествуй скоро,
отчий дом вот-вот увидишь,
перед домом водят хоро,
к хороводу ты и выйдешь.

«С возвращением!» – тебе скажут
дети, бабушки, поделки¹,
а девчата – те играют
у подружки на засевках².

Не беда! Забыть придется,
что была тебе всех ближе;
но и для тебя найдется, –
ты ведь Богом не обижен.

Выйдет мать твоя родная.
у порога встретить сына,
и заплачет, причитая, –
«Дождалась сынка с чужбины!».

И к груди твоей прижмется,
и обнимешь ты старушку,
грусть-печаль из уст прольется,
распахнет тебе всю душу:

- Слушай, только не рыдая,
что любовь твою сгубили,
ждет тебя и весть другая:
про отца и братьев милых.

Турки батюшку убили,
ну а братцев твоих, вскоре,
посадив в тюрьму, сгноили,
отравили их в затворе.

Что о том! – Ты жив и бодр,
сам отцом ты будешь, может,
Бог и милостив, и добр, –
и глядишь, – наш род продолжишь.

Полно плакать! Эх ты, баба! –

это бабы плакать вольны,
да сироты – те, кто слабы,
ты ж, ни голоден, ни гол, ведь.

«Бог, прости!» – ты скажешь только
в церкви, под епитрахилью,
и сзывай гостей к застолью.
Будь, как был, – таким же сильным.

Ты возьми красну-девицу
иль уродца, но с приданым, –
деток куча наплодится,
гни хребет свой неустанно...

Так глупец, – уверен даже,
что чудесно он живет.
И никто ему не скажет:
человек он или скот!

1. девушки на выданье
2. свадебный обряд.